

XVII, 1935, № 1

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

915

№ 1

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Цѣна 10 к., на станц. ж. д. — 12 к.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНИЕ: З. Гиппиусъ. «Молодому Вѣку» (стихотвореніе).—Его. «Новогоднія пожеланія».—М. Туганъ-Барановскій. «Русская интеллигенція и націонализмъ» (статья).—Леонидъ Добронравовъ. «Danse Macabre» (разсказъ).—Д. Мережковскій. «Жизнь Байрона» (статья).—С. Петровъ. Выставка «Искусство союзныхъ народовъ».—Вл. Романовъ. «Король, законъ и свобода».—Объ искусствахъ и литературѣ. «Вѣсти и мнѣнія».—**ИЛЛЮСТРАЦИИ:** I. Монастырь «Карнубка», около Кѣлецъ» (3 илл.), «Сенегальская деревня» «Англичане въ окопахъ», «Наводненіе въ Бельгій», «Разрушенная водокачка въ Кѣльцахъ», (всего 12 илл.). II. А. Соборова. «Портретъ» (рисунокъ перомъ). III. Выставка «Искусство союзныхъ народовъ». 6 снимковъ съ произведеній А. Орловскаго (1777—1832) и Сигизмунда Фогеля (1764—1820).

Ближайшій номеръ журнала «Голосъ Жизни» выйдетъ въ двухцвѣтной обложкѣ, работы художника С. В. Чехонина.

Съ № 2-го цѣна журнала въ розничной продажѣ 12 к., а на ст. жел. дор.—15 к.
Подписная цѣна: на годъ—4 р. 50 к., на 6 мѣс.—2 р. 50 коп., на 3 мѣс.—1 р. 35 коп.

Пожертвован я.

Въ контору поступило: отъ Муси Терской на рождественскій подарокъ героямъ-воинамъ 5 р., отъ Каролины Густавовны Озелъ (Пронскъ, Рязанск. губ.) 2 р., отъ И. К. Фрижова (село Ворничены, Бесс. губ.) 50 к., отъ Издательства А. А. Каспари 25 р., отъ О. Ф. Перельмана 12 р. 50 к. и отъ ред. «Голосъ Жизни» 5 р. Итого 50 р., которые препровождены въ Импер. Вольно-Экономич. Об-во (см. воззваніе въ № 11 «Голоса Жизни»).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 г. (34-й г. изд.)

„РЕБУСЪ“ СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССИИ ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животного магнетизма, гипнотизма и спиритизма; изслѣдов. въ области древней и новой мистики, теософіи, масонства и т. п. спорные вопросы науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ, выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ: совѣты, разъясненія и отвѣты редакціи на запасы и письма подписчиковъ.

Подписная цѣна: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., за границу на годъ—6 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала—Вол. Дорогомил. ул., у Бородинскаго моста, домъ № 3 (телеф. 2-28-93) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ОТРИВНЫЕ КАЛЕНДАРИ-ЕЖЕДНЕВНИКИ на 1915 г. по 40 коп. за ЭКЗЕМПЛЯРЪ
съ пересылкой продаются въ Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., д. 114.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ПЕРВЫЙ русскій
иллюстрированный ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ еженедѣльникъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящій съ октября 1914 г.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлю—соединить художественность и серьезность съ занимательностью и разнообразіемъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области изящной литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свѣжести, въ публицистикѣ—углубленнаго толкованія текущихъ вопросовъ, нынѣ же—преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ прогрессивныя начала въ государственной ихъ постановкѣ и стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ принципиальные споры, поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли.

Каждый номеръ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ содержитъ не менѣе двухъ большихъ разназовъ и рядъ статей и замѣтокъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ **БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ** А. А. Ахматовой, Александра Блока, В. Бруснынина, Б. Верхоустинскаго, З. Н. Гиппиусъ, Сергѣя Городецкаго, Н. Зворыкина, Георгія Иванова, В. М. Карачаровой, Карменъ, В. Кохановскаго, Д. А. Крючкова, А. А. Бѣль-Конь-Любомирской, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, Ѳедора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Ан. Чеботаревской, К. Эрберга и др.

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, Леонида Галича, А. С. Изгоева, В. Я. Ирецкаго, проф. А. В. Карташева, Антона Крайняго, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковскаго, И. Накатова, проф. В. Плетнева, Е. Семенова, проф. К. Н. Соколова и др.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ печатаются еженедѣльные **обзоры войны** Георгіевскаго (Г. П.), а также **письма съ войны** совѣт. корреспонд. В. Сергѣева.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ удѣлено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто культурнаго характера: въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатается отдѣлъ **„Объ искусствахъ и литературѣ. Вѣсти и мнѣнія“**, составленный изъ сообщений, оцѣнокъ и откликовъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатаетъ статью Евг. Мауринна о текущихъ театральнхъ событіяхъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ богато иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ были помѣщены рисунки М. В. Добужинскаго, Л. В. Квятковскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича, заставки и наброски художниковъ: Бруни, Кунса, Милашевскаго, Зисснера и др., а также многочисленные фотозолды и фотографіи собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. Въ номерѣ не менѣе 25 иллюстрацій.

Съ декабря обложка „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за ГОДЪ съ пересылкой—4 р. 50 к.

По 31-ое декабря 1914 г.—1 руб. (Первые четыре номера отпечатаны вторымъ изданіемъ.)

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ на 1915 г., а именно: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-му іюня—2 р.

Акціон. Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114.

Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20, и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

1-й экз.

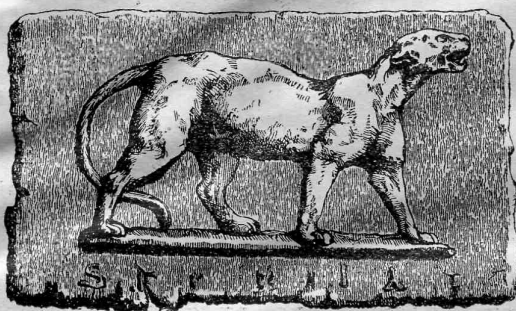
ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Петроградъ.

№ 1

1 января 1915 г.

Молодому Вѣку.

Тринадцать лѣтъ! Мы такъ недавно
Его привѣтили, любя.
Въ тринадцать лѣтъ онъ своеюравно
И дерзко показалъ себя.

Вновь наступаетъ день рожденья...
Мальчишка злой! На этотъ разъ
Ни праздника, ни поздравленья
Не требуй и не жди отъ насъ!

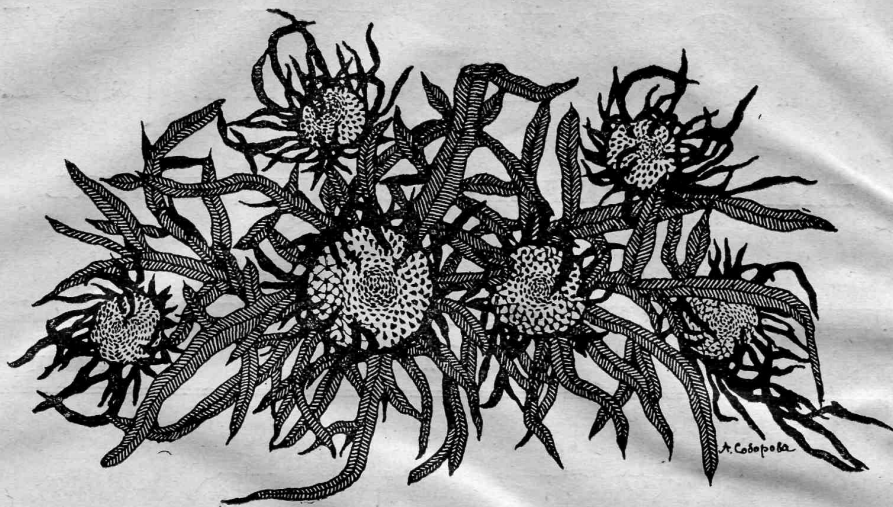
И если раньше землю смѣли
Огнемъ сражений зажигать—
Тебѣ ли, Юному, тебѣ ли
Отцамъ и дѣдамъ подражать?

Они—не ты. Ты больше знаешь,
Тебѣ иное суждено,—
Но въ старые мѣха вливаешь
Ты наше новое вино!

Ты плачешь, каешься? Ну, что же:
Миръ говоритъ тебѣ: «Я жду!».
Сойди съ кровавыхъ бездорожій
Хоть на пятнадцатомъ году!

З. Гиппиусъ

Новогоднее пожелание.

Читатель! Какъ вы относитесь къ войнѣ?

Отвѣта не надо, я знаю отвѣтъ. Кто бы вы ни были, что бы вы ни дѣлали и ни думали, сидите ли дома, ѣдете ли на позиціи, мучаютъ ли васъ ужасы войны, горите ли вы огнемъ патриотизма—все равно, я знаю: къ войнѣ вы относитесь не равнодушно.

На порогѣ Нового года, который принесетъ намъ... что? отгадать мы не умѣемъ, гадать мы не смѣемъ, но допустить должны, что, возможно, принесетъ и миръ,—я хочу пожелать вамъ, читатель, одного: сохраните во всякомъ случаѣ ваше неравнодушіе. Война или миръ—будьте неравнодушны просто къ жизни, въ той же мѣрѣ, въ какой вы неравнодушны къ ней сейчасъ.

Война или миръ—развѣ въ существѣ своемъ жизнь не всегда война? Но мы склонны засыпать, глаза сами закрываются, не смотря. Тогда жизнь беретъ насъ за шиворотъ и опредѣленно встряхиваетъ: поневолѣ очнешься. Слѣдуетъ помнить ея уроки, не доводить ея до крайнихъ мѣръ

Такъ хочется иногда покоя, именно покоя, «счастья созерцанія»... Ничего, однако, не подѣлаешь:

«Покоя въ жизни нѣтъ,

А есть борьба и воля...»

Насколько прекраснѣе эти двѣ строки въ подлинникѣ, чѣмъ въ моей перифразѣ! Зато въ перифразѣ гораздо больше правды.

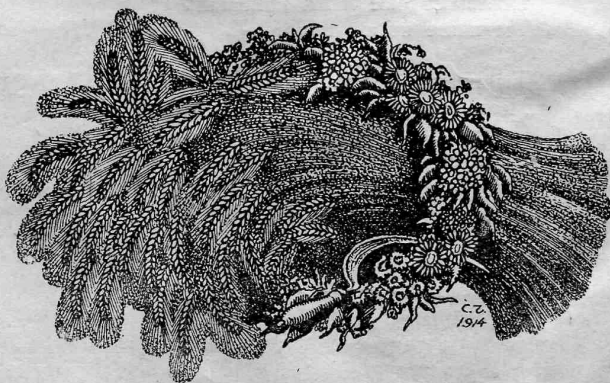
Жизнь именно—борьба и воля; нѣтъ ихъ—нѣтъ и жизни, остается житіе.

Ваша жизнь до войны,—пусть даже очень дѣятельная,—по сравненію съ сегодняшней она все-таки—«житіе», неравнодушный читатель!

И я желаю искренне, пламенно желаю и вамъ, и себѣ самому, и всей Россіи—сохранить сегодняшнее неравнодушіе, не возвращаться къ «житію», что тамъ ни будь, война или миръ.

Мы вѣдь отлично знаемъ (не хотимъ только знать), что—война или миръ—какіе-то нѣмцы есть всегда, всегда когонибудь ктонибудь душитъ и убиваетъ, всегда надо съ чѣмъ-то бороться, чего-то достигать.

А потому—принесетъ намъ 15-ый годъ миръ или не принесетъ—будемъ жить по-настоящему, то есть постоянно бороться, постоянно и достигать... Его.

Монастырь «Кархувка», около Кьльце. Монастырскій дворъ.

М. ТУГАНЬ-БАРАНОВСКІИ.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И НАЦИОНАЛИЗМЪ.

Наша интеллигенція представляет собой чрезвычайно своеобразную общественную группу, духовныя черты которой опредѣлились примѣрно съ тридцатыхъ - сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, со времени знаменитыхъ споровъ западниковъ и славянофиловъ, расколовшихъ русское образованное общество на два враждебныхъ лагеря.

Предметомъ спора былъ главнымъ образомъ вопросъ о національномъ самоопредѣленіи Россіи.

Что такое Россія какъ соціальныи типъ? Являемся ли мы однимъ изъ многихъ европейскихъ народовъ, членами одной и той же великой семьи, или же Россія есть нѣчто самобытное и своеобразное, особый міръ, внутренняя природа котораго глубоко и принципиально отлична отъ Запада? Западники доказывали первое и упрекали своихъ противниковъ въ равнодушіи ко всемірнымъ, всечеловѣческимъ идеаламъ, въ національномъ эгоизмѣ и непониманіи нашей духовной зависимости отъ Запада. Напротивъ, славянофилы, отстаивавшіе національную самобытность Россіи, видѣли въ западникахъ измѣнниковъ русскимъ національнымъ началамъ, космополитовъ, чуждыхъ русскому народу благодаря своей оторванности отъ русской исторической почвы.

Споръ велся съ большимъ ожесточеніемъ, и противники

чувствовали себя людьми двухъ разныхъ міровъ. Но теперь, когда всѣ участники этихъ споровъ давно сошли въ могилу и страсти умолкли, намъ ясно, какъ несправедливы были другъ къ другу обѣ спорящія стороны и какъ близки они были внутренне между собой. Думали они по-разному и вѣрили въ разное, но любили одно и то же. Развѣ западникъ Тургеневъ, жившій послѣднюю половину своей жизни больше за границей, чѣмъ въ Россіи, и такъ грустно окончившій свои дни въ духовно-чуждой ему французской семьѣ, не былъ настоящимъ русскимъ человѣкомъ съ головы до ногъ? Развѣ онъ не любилъ больше всего въ мірѣ русскую природу и русскаго человѣка? Судьба его связала съ Виадо—но кто больше его понималъ прелесть русской дѣвушки? И развѣ не любили Россіи Герценъ и Огаревъ—развѣ они не остались до конца вѣрными русскому народу?

Съ другой стороны, не былъ ли истымъ представителемъ западноевропейскаго просвѣщенія утонченно мыслящій и духовно столь изящный Иванъ Кириѣвскій? Развѣ вся плеяда славянофиловъ менѣе западниковъ была вскормлена наукой и культурой Запада? И развѣ всечеловѣческіе идеалы были менѣе близки славянофиламъ, чѣмъ ихъ противникамъ?

Теперь, сквозь голубую дымку историческаго прошлаго,

Монастырь «Каривка», около Кіева.

намъ ясно, какъ въ сущности близки были между собой западники и славянофилы.

И тѣ, и другіе были въ равной мѣрѣ русскими интеллигентами. Былъ пожалуй нѣкоторый отгѣнокъ различія между ними. Среди западниковъ преобладали скорѣе разночинецъ и городской интеллигентъ, среди славянофиловъ преобладали помѣщики. Но въ общемъ социальная среда, въ которой выросли эти оба міросозерцанія, была приблизительно одна и та же, и соответственно этому между представителями обоихъ лагерей чувствовалась глубокая внутренняя связь.

Эта своеобразная социальная среда—русская интеллигенція—представляетъ собой нѣчто чрезвычайно характерное для русскаго общества, нѣчто дѣйствительно самобытное и свойственное именно Россіи, въ отличіе отъ Запада. Споры западниковъ и славянофиловъ продолжаются подъ иными обликами и видами и донныѣ. Правда, было бы неправильно отождествлять народниковъ со славянофилами, а новѣйшихъ марксистовъ—съ западниками. Но несомнѣнно кое что отъ славянофильства имѣется въ народничествѣ, а кое что отъ западничества—въ марксизмѣ. Въ народничествѣ характерна нѣкоторая тяга къ русской землѣ, какъ въ марксизмѣ—къ Западу.

И теперь, какъ и раньше, русскую интеллигенцію многіе упрекаютъ въ недостатокъ національнаго чувства, въ отовъанности отъ русской почвы, въ космополитизмѣ.

Дѣйствительно въ психическомъ обликѣ русской интеллигенціи бросается въ глаза одна любопытная особенность, которая можетъ показаться выраженіемъ слабости національнаго чувства, а именно: чрезвычайная отзывчивость къ чужимъ національнымъ идеаламъ, чужой культурѣ и способность проникаться чужими цѣлями. Развѣ Рудинъ, умирающій въ Парижѣ на баррикадахъ, не типиченъ въ этомъ отношеніи?

Указанной черты нашей интеллигенціи отрицать нельзя—она слишкомъ бросается въ глаза. Русскій интеллигентъ всегда волнуется общими вопросами, всегда занятъ тѣмъ, что имѣетъ очень мало общаго съ непосредственными будничными заботами дня. Мы непрактичны и недѣловиты, мало знаемъ свою русскую землю и больше витаемъ въ облакахъ. Воздушные замки намъ удаются лучше, чѣмъ зданія на твердой землѣ,—оттого мы и оказываемся такими плохими строителями нашей собственной жизни.

Но въ нашей слабости нѣтъ ли силы? быть можетъ, огромной силы, такой, которая движетъ горами?

Вспомните гениальную характеристику русскаго интеллигента, данную Достоевскимъ. Русскій интеллигентъ—это скиталецъ, искатель вѣчной правды, это—Алеко, Оиѣгнѣвъ, Рудинъ, Базаровъ, это—Огаревъ и Герценъ, умершіе на чужбинѣ, это—тѣ тысячи русскихъ людей, которые чувствуютъ себя лишними на землѣ потому, что нигдѣ они не находятъ удовлетворенія своему безпокойному, ищущему духу, это—Левъ Толстой, бросающій Ясную Поляну, чтобы умереть въ чужомъ домѣ, на случайной станціи желѣзной дороги.

И эта наша мечтательность, оторванность отъ реальной почвы не случайна, но коренится въ глубочайшихъ основахъ нашего историческаго бытія. Когда Герценъ, типичнѣйшій русскій интеллигентъ, попалъ на чужбину, то его прежде всего поразила одна черта духовнаго облика образованнаго человека Запада, которую онъ опредѣлилъ терминомъ—мѣщанство.

„Мѣщанство, — писалъ Герценъ, — идеаль, къ которому стремится Европа, — подымается со всѣхъ точекъ дна. Это—та курица во шахъ, о которой мечталъ Генрихъ IV. Мѣщанство—послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности. Демократизація ари-

Монастырь «Карнуйка», около Кълевцъ.

стократіи—аристократизація демократіи; въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро—снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ собой только среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего наверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ—мѣщанинъ хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ—будущій мѣщанинъ“.

Извѣстно, что каждый легче всего замѣчаетъ тѣ особенности новой соціальной среды, которыми эта среда всего болѣе отличается отъ среды его собственной и привычной. Если Герцена поразило мѣщанство образованныхъ круговъ Запада, то потому, что у насъ этого мѣщанства мало. И дѣйствительно, откуда у насъ взяться мѣщанству? У нашей интеллигенціи много грѣховъ, но отъ этого грѣха она свободна.

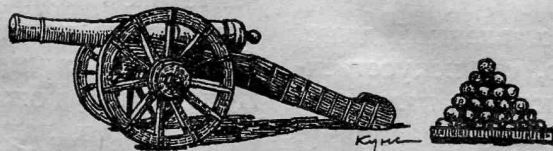
Вся исторія нашего образованнаго общества иная, чѣмъ на Западѣ, гдѣ образованные классы выросли изъ мелкой буржуазіи. Мелкая буржуазія сокрушила феодальную монархію средневѣковья и завоевала политическую свободу. Вся культура Запада, удивительный расцвѣтъ науки и искусства своими корнями связаны съ мелкой буржуазіей, въ теченіе многихъ вѣковъ бывшей главнымъ двигателемъ историческаго прогресса. И хотя теперь мелкая буржуазія оттѣснена

на задній планъ новѣйшей системой капитализма, расколовшей мелкую буржуазію на крупную буржуазію и пролетаріатъ, все же и теперь западно-европейское образованное общество таитъ въ себѣ духовныя черты породившей его соціальной группы.

Исторія нашего образованнаго общества совершенно иная. Мелкая буржуазія въ этой исторіи не могла играть никакой роли уже потому, что мелкая буржуазія, какъ особый соціальный классъ, у насъ почти не существовала и во всякомъ случаѣ ничѣмъ не была связана съ нашей образованностью.

Нашу интеллигенцію упрекаютъ въ безпочвенности. Упрекъ этотъ въ значительной мѣрѣ справедливъ. Но безпочвенность наша непосредственно связана со всемірной отзывчивостью русскаго интеллигента, съ его жаднымъ исканіемъ высшей правды. Къ призывамъ грубаго національнаго эгоизма русская интеллигенція всегда была глуха. Мы органически не можемъ вдохновляться идеаломъ пораженія другихъ народовъ, мы можемъ бороться и умирать только во имя вселенскихъ цѣлей. И если теперь наблюдается въ нашемъ обществѣ такой подъемъ національнаго чувства, то это потому, что великая борьба, которую ведетъ Россія, ведется за правду и свободу.

М. Тугань-Барановскій.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОНРАВОВЪ.

DANSE MACABRE.

I.

И сегодня, какъ вчера и мѣсяцъ, и три мѣсяца назадъ, Филатовъ подходилъ къ кинематографу «Мельпомена» съ отвращеніемъ и той душевной усталостью, которая просачивалась въ сердце отъ яркихъ электрическихъ лампіоновъ, сіяющимъ полукругомъ освѣщавшихъ входъ въ кинематографъ и размалеванныя выѣски по сторонамъ, отъ самага слова «Мельпомена», горѣвшаго электрическими, мертвыми огнями въ темнотѣ густѣвшаго вечера, отъ мысли, что надо четыре часа подрядъ выколачивать на разбитомъ пианино вальсы, марши, польки и попури. Послѣ дневной восьмичасовой игры на рояли (Филатовъ учился въ консерватори) кисти рукъ разслабленно ныли и, казалось, ему не пошевелить пальцемъ, — нехватитъ силъ.

«Сегодня новая программа!!!», — прочелъ Филатовъ въ свѣтлой витринѣ у входа лиловые, красныя и зеленыя буквы, залихватски, съ кривыми вывертами и хвостами выведенныя на листѣ картона: «Въ стремленіи дать интереснѣйшія, быстро смѣняющіяся развлечения, — продолжалъ онъ читать, безучастно скользя глазами по строкамъ, — «Мельпомена» приобрѣла самыя дорогія и лучшія въ мірѣ приспособленія новѣйшей конструкции, при посредствѣ которыхъ получаютъ прекрасныя впечатлѣнія. Отд. I. Грандіозное, захватывающее повѣствованіе объ эксплуатаціи слабобольной женской натуры. Агитаціонная серія впечатлѣній, издаваемая итальянскимъ обществомъ защиты нравственности женщины въ Туринѣ».

«Чертъ знаетъ что», — подумалъ Филатовъ и невольно прочелъ дальше: — «Максъ ошибся! Генерическій хохотъ. Великолѣпныя положенія...»

Сморщивъ лицо, Филатовъ прошелъ въ кинематографъ.

Въ первой комнатѣ, обставленной дешевой, потрепанной мебелью, съ искусственными, запыленными и обвисшими пальмами, онъ увидѣлъ жену хозяина, Мавру Ивановну,

расплывшуюся старуху, и ея племянницъ, Оеклу и Дарью, или Фаню и Дору, какъ онѣ называли себя. Фаня стояла предъ тусклымъ зеркаломъ, отражавшимъ неясно, какъ самоварный подносъ, ея лицо, и расправляла свѣтлую подстриженную челку на лбу, а Дора сидѣла рядомъ съ теткой и, зѣвая закрытымъ ртомъ, такъ что слезы выступали на глазахъ, слушала.

При входѣ Филатова Мавра Ивановна перестала говорить и молча подала ему короткіе, толстые и жесткіе пальцы.

— Тетя получила письмо изъ дѣйствующей арміи, — сказала гримасничая Дора, — пишутъ про послѣднія новости. — Она постукала объ полъ ногой въ сѣрыхъ суконныхъ гетрахъ. — А у васъ, Александръ Кузьмичъ, есть знакомые на войнѣ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Филатовъ, поздоровавшись съ Фаней, которая не оборачиваясь протянула ему лѣвую руку, и сѣлъ къ столу, противъ Мавры Ивановны.

Дора сдѣлала небрежно-презрительную гримасу и тряхнула мелко завитыми кудряшками, запрыгавшими вокругъ лица.

— А у насъ съ Фаней очень много офицеровъ знакомыхъ. Пишутъ намъ про сраженія.

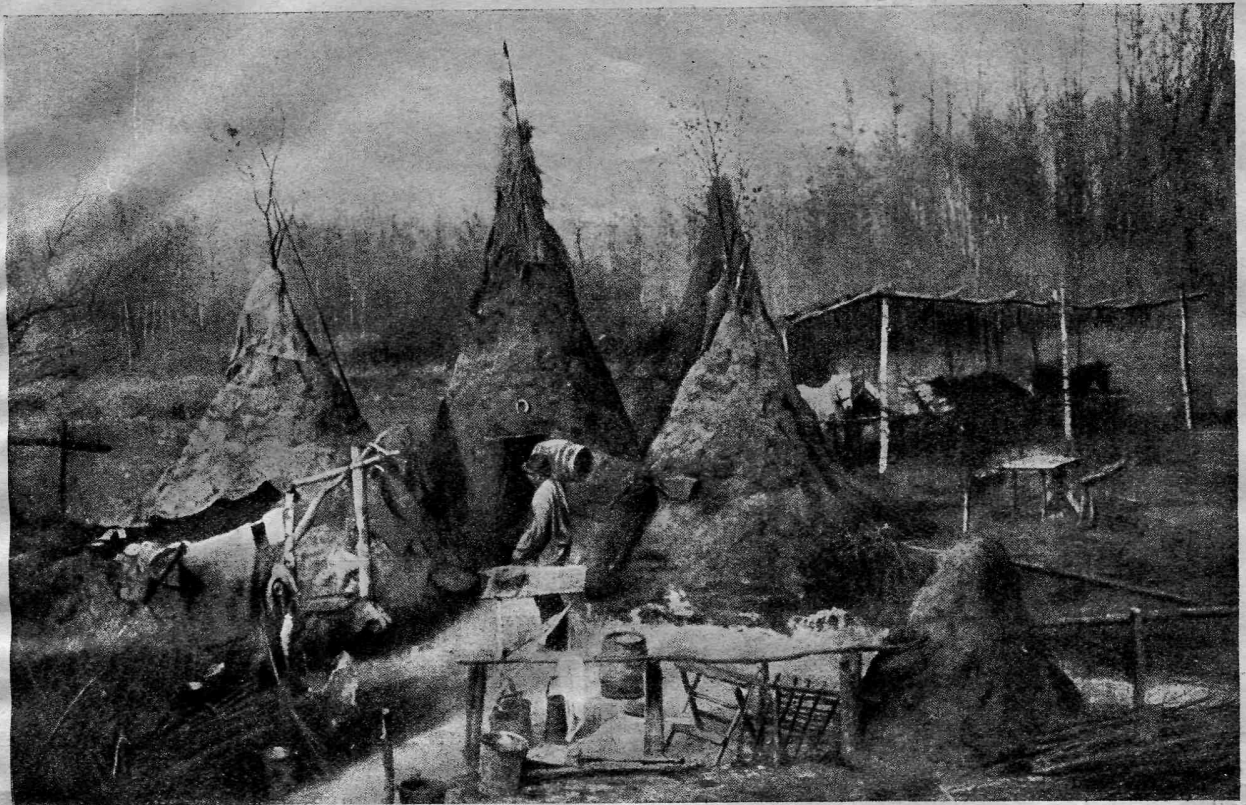
Филатовъ зналъ, что никакихъ офицеровъ знакомыхъ у нихъ нѣтъ и никто имъ не пишетъ, а говорятъ они объ этомъ, вѣроятно подражая кому нибудь, и, сдерживая отвращеніе, которое всегда шевелилось въ немъ при разговорахъ съ Фаней и Дорой, негромко сказалъ:

— Не офицерей, а офицеровъ, Дарья Пантелеевна.

Дора зарумянилась, а Фаня, поворачивая лицо отъ зеркала, обидчиво отозвалась:

— Во-первыхъ, не Дарья Пантелеевна, а мадамзель Дора, а во-вторыхъ, не копируйте насъ пожалуйста! Думаете объ себѣ, что какъ въ консерваторіи учитесь, такъ... — Она не докончила и сердито фыркнула. — Подумаешь! Тоже...

— Ладно, ладно, — заговорила примиренно

Во Франци, на передовыхъ позиціяхъ. «Сенегальская деревня», воздвигнутая артиллеристами.

тельно Мавра Ивановна, шевеля обвисшими щеками и дряблымъ подбородкомъ, похожимъ на индюшечій зобъ.— Будеть! Не очень фыркай, мадмазель - стреказель! Фыркуха!— Она обернулась къ Филатову и продолжала дружельюбно:— а мнѣ Васенька нонче письмо прислалъ. Пишетъ: «въ окопѣ я, мамаша, сижу»,— Мавра Ивановна быстро заморгала кругленькими, рыбьими глазками и потянула носомъ.— Сидитъ, родненькій, ентовкой орудоваеть. Пишетъ: «воля Божья, мамаша»,— Мавра Ивановна затрясла головой, громко всхлипнула и, стараясь удержать слезы, стала торопливо доставать платокъ.

Дора и Фаня переглянулись, сжимая губы, не выдержали и засмѣялись.

— У, безстыжія!— вытирая глаза, сердито произнесла Мавра Ивановна.— Была бы у меня въ рукахъ желѣза, такъ бы васъ обѣихъ желѣзой и трахнула! Племенницы называются.— Она наклонила голову къ Филатову и продолжала тише, глотая слезы.— Пишетъ онъ, Александръ Кузьмичъ, очень даже хорошо, очень чудно, пишетъ, какъ эти самые враги наши ночью поползкомъ такъ и поползли, а наши, не будь промахъ,

замѣтили и жиганули!— Мавра Ивановна разгорячилась и стукнула пухлымъ кулакомъ, какъ туго набитой подушечкой, по столу. Юркіе маленькіе глазки, потонувшіе въ наплывѣ лоснившихся щекъ, блеснули.

Племянницы громко засмѣялись. Мавра Ивановна посмотрѣла на нихъ, открыла ротъ, хотѣла что-то сказать, но не сказала и только рукой махнула.

Въ кинематографѣ вошли два гимназиста-подростка, въ пенснѣ, съ папиросами.

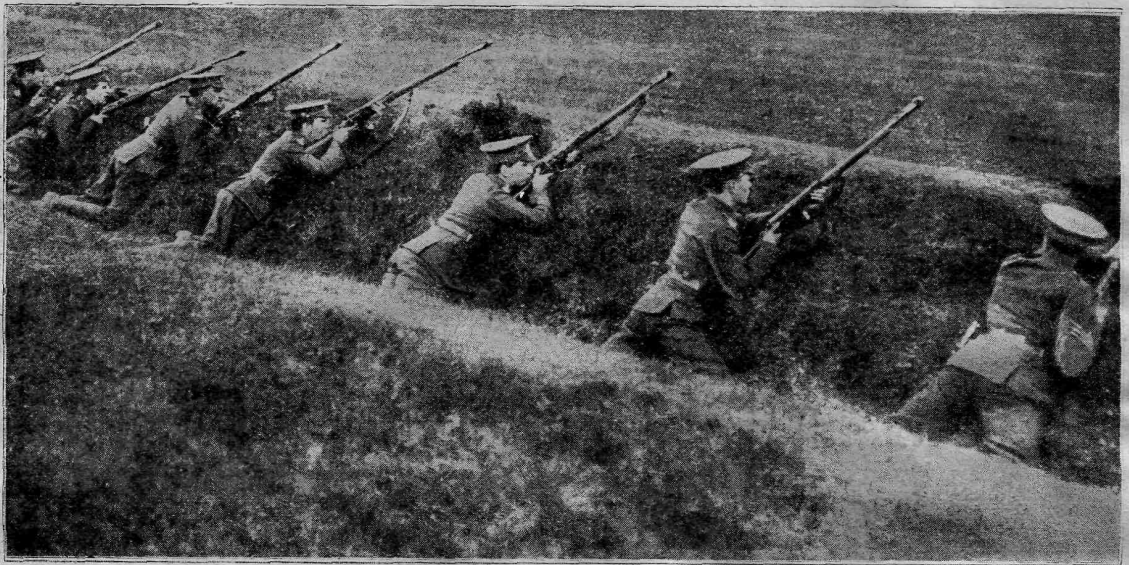
— Скоро начнется?— спросилъ одинъ изъ нихъ, постарше, косясь на Дору и Фаню.

— Сейчасъ, сейчасъ, пожалуйста!— Мавра Ивановна запыхтѣла, засуетилась, встала, опершись одной рукой на стулъ, а другой— на столикъ, и переваливаясь пошла къ деревянной будкѣ - каскѣ продавать билеты.

Дора повела плечами и, шевеля бедрами, мелко шагая въ узкой юбкѣ, подошла къ двери зала.

— Здѣсь разыщется курить?— спросилъ ее заигрывая гимназистъ.— Вы ничего не имѣете противъ, mademoiselle?

Дора стрѣльнула подведенными глазами и кокетливо отвѣтила тягучимъ голосомъ:

Англичане въ окопахъ.

— Пожалуйста, молодой человек! Будьте такъ любезны-разлюбезны!

Съ улицы стали входить люди, наслѣживая на полу мокрыми галошами. Въ залѣ, гдѣ стоялъ экранъ, засвѣтилось электричество и раздался полугромкій разговоръ собиравшейся публики.

II.

Минуты предъ началомъ сеанса для Филатова были самыми тягостными и самыми длинными. Онъ зналъ, что ничего дурного въ томъ, что онъ играетъ въ кинематографѣ, нѣтъ и надо заработать пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, чтобы нанять дряненькую комнатенку, пить, ѣсть и брать прокатное пианино. Но каждый вечеръ, ожидая трескучаго звонка предъ сеансомъ, онъ испытывалъ тайный, глубоко въ душѣ скрытый, стыдъ. Хотѣлось, чтобы поскорѣе стало темно въ залѣ, поскорѣе зашипѣлъ аппаратъ и можно было бы въ темнотѣ пройти къ пианино, стоявшему на виду, слѣва отъ экрана.

Сегодня, какъ на зло, сеансъ долго не начинали. Филатовъ стоялъ предъ окномъ и сквозь тускляя, дождевой пылью покрытая окна смотрѣлъ на улицу, но ничего, кромѣ мутныхъ, свѣтлыхъ пятенъ фонарей, не видѣлъ. На душѣ было такъ гадко, такъ тоскливо, какъ никогда еще до этого вечера.

А рядомъ съ нимъ, за стойкой съ лимонадомъ и залежалымъ шоколадомъ и кон-

фектами, стояла Фаня и сквозь зубы нашептывала:

— Вы нонче какъ влюбившись... а между прочимъ есть одна дѣвица, очень вась симпатизируетъ, а вы не догадаетесь...

Филатовъ зналъ, что дѣвица эта—сама Фаня, подтрунивавшая надъ нимъ при постороннихъ, а съ глаза на глазъ часто намекавшая о своихъ чувствахъ. Онъ ничего не отвѣтилъ и, стиснувъ плотно губы, упорнѣе сталъ смотрѣть въ окно.

— Александръ Кузьмичъ, а, Александръ Кузьмичъ!

— Что?—спросилъ Филатовъ, сдерживая раздраженіе и стараясь говорить спокойнѣе.

Фаня приблизила къ нему лицо и многозначительно сказала:

— А къ вамъ ходятъ въ гости дамы?

Филатовъ не отвѣтилъ, а Фаня, покачивая головой и улыбаясь растянутыми, накрашенными губами, запѣла вполголоса:

— «Крутится, вертится шаръ голубой,
Крутится, вертится, хочеть упасть,
Кавалеръ барышню хочеть украсть»...

Надъ дверью въ залъ затрещалъ звонокъ. Въ залѣ стало темно, и рѣзко, съ перебоями, застучалъ аппаратъ.

Филатовъ торопливо пошелъ къ своему мѣсту, пересѣкъ потокъ голубого свѣта, лившійся на экранъ, и сѣлъ къ пианино.

— «Роковое обаяніе», — громко и раздѣльно прочиталъ зади въ темнотѣ чей-то сиплый голосъ, — «Муки сердца».

Наводнение въ долину р. Пезры.

Филатовъ положилъ пальцы на влажныя, словно покрытыя холодной слизью, клавиши и заигралъ медленный, пѣвучій вальсъ. И съ первымъ же звукомъ исчезло ощущение неловкости, и онъ остался самъ съ собой. Тяжелѣе надавила, налегла тоска. И мысли темныя, томящія стали цѣпляться одна за другую, какъ въ вальсѣ, тактъ за тактомъ.

На экранѣ, дрожа отъ мельканія кинематографической ленты, появлялись люди, дѣлали что-то, ходили, размахивали руками. Графъ объяснялся въ любви, прижимая руку къ сердцу, а другую хватаясь за голову. Выходилъ, садился въ автомобиль и ѣхалъ по ровной улицѣ, обсаженной деревьями. А Филатовъ нажималъ клавиши, и истасканные, пошлые звуки сквернаго пианино сплетались въ безконечный, волнистый мотивъ.

Въ залѣ кто-то громко вздыхалъ, глядя на экранъ, кто-то растроганно сморкался.

«А что дальше, что завтра?»—думалъ Филатовъ играя. Его жизнь представлялась ему тѣмъ же экраномъ, возлѣ котораго онъ сидѣлъ. Та же музыка здѣсь и завтра, и послѣ-завтра и, Богъ знаетъ, еще сколько времени. Такъ же будетъ сидѣть позади притихшая

толпа, такъ же будетъ кашлять и перешептываться. И такъ же мимо него, мимо его жизни безъ конца проходятъ незнакомые, чужіе, и никому неинтересно, никому нѣтъ дѣла до него, до его тяжелой тоски.

Вспомнилась Мавра Ивановна съ ея материнскимъ горемъ, съ ея материнской мукой, надъ которой подсмѣиваются племянницы. И вѣроятно такъ же смѣшно было бы всѣмъ, расскажи только онъ о своей тоскѣ, о своемъ одиночествѣ, о своемъ отчаяніи. Холодно и страшно, невыносимо жить одному въ громадномъ городѣ, одному среди тысячъ равнодушныхъ людей. Жестокая жизнь!

Въ залѣ стало свѣтло. Филатовъ зналъ, что это—короткій антрактъ между двумя отдѣленіями картины, и не вставалъ изъ-за пианино. Закрывъ глаза, онъ сидѣлъ и слышалъ позади себя неясный, глухой говоръ, то отдалявшійся, то наплывавшій близко-близко, и ему казалось, что чей-то одинъ опредѣленный голосъ звучитъ во всѣхъ разговорахъ, во всѣхъ другихъ голосахъ,—вѣчный голосъ, неизмѣнный, всегда одинъ и тотъ же.

Снова темнота, снова шипѣніе аппарата, снова музыка.

Разрушенная водокачка въ Къльмацахъ.

Ш.

Предъ началомъ второго сеанса Мавра Ивановна позвала Филатова пить чай. Въ маленькой каморкѣ, гдѣ висѣли пальто Доры и Фани, на маленькомъ столикѣ стоялъ пузатый, синій, облупленный эмальированный чайникъ. Мавра Ивановна налила два стакана и сѣла, покрывъ всю табуретку складками широкой черной юбки.

— Выпейте чайку, Александръ Кузьмичъ. Поди, упарились играючи. — Она вздохнула. — Трудное это дѣло! Пальцы шустрые должны быть, что крысы.

Она помолчала и, глядя на Филатова, покачала головой и вздохнула.

— Смотрю я — ровно Васенька тутъ замѣсто васъ сидитъ. — Она внезапно расплакалась, всхлипывая и отирая грязной, пухлой ладонью мокрые глаза. — Уѣзжаючи говорилъ: «Не забывайте, — говоритъ, — мамаша, Васю, помните, — говоритъ, — Васю». Хотѣла я давеча попросить васъ, Александръ Кузьмичъ, объ одномъ дѣлѣ, да ужъ такой у меня забывчивый характеръ. Только дѣвкамъ моимъ нипочемъ не сказывайте. Хочу я написать Васенькѣ моему, все написать, до самой точки, пусть знаетъ, какъ я объ немъ горюю. Грамотѣ я плохо знаю, а племянницы ежели узнаютъ, со смѣшкомъ начнутъ. Сдѣлайте, ради Христа, Александръ Кузьмичъ, напишите ему, а я все расскажу.

Что-то теплое колыхнулось въ душѣ Филатова жалостное.

— Хорошо. А когда?

— Можно завтра? Только я къ вамъ

приду на квартиру. Будьте такіе добренькіе!

Мавра Ивановна посмотрѣла на него молящими глазами.

— Приходите завтра, когда хотите. Завтра я цѣлый день буду дома.

Мавра Ивановна подняла морщины на лбу и подумавъ рѣшительно сказала:

— А за такую милость я вамъ рубль дамъ.

Филатовъ вздрогнулъ и насупился. Хотѣлъ сказать, что унижаетъ его это, но посмотрѣлъ на полное лицо Мавры Ивановны, застывшее въ ожиданіи отвѣта, понялъ, что иначе она не можетъ и было бы странно, если бы она, прожившая съ мыслью о рублѣ, не упомянула сейчасъ о немъ, и хмуро отвѣтилъ:

— Не надо мнѣ денегъ. Я такъ...

Мавра Ивановна улыбнулась, щеки расплылись.

— Дай вамъ Богъ!.. Я завтра утречкомъ съ рынка забѣгу.

Филатовъ услыхалъ звонокъ и вышелъ изъ каморки.

Опять потянулись картины, графы, виконты, свѣтскія дамы изъ «Рокового обаянія», виды Австраліи, охота на тигровъ.

«Зачѣмъ, зачѣмъ это все?» — думалъ Филатовъ, играя и вспоминая Васеньку, который лежитъ въ окопѣ и пишетъ: «Воля Божья, мамаша». Зачѣмъ такъ создано, что одинъ человекъ не понимаетъ другого, какъ не понимаютъ Дора и Фаня Мавры Ивановны, какъ его не понимаетъ Мавра Ивановна, какъ онъ самъ не понимаетъ

А. Соболева. «Портретъ». (Рисунокъ перомъ.)

тѣхъ, которые сидятъ позади, въ залѣ, чье дыханіе онъ чувствуетъ и чей одобрительный шепотъ заставляетъ сжиматься, точно отъ боли. Зачѣмъ?

Въ залѣ раздалось веселое, радостное шушуканье. Филатовъ мелькомъ взглянулъ на экранъ и прочелъ большія красныя дрожащія буквы: «Максъ ошибся».

«Вотъ что имъ нужно,—подсказывали мысли,—нужно, чтобы на головахъ ходили, чтобы падали весело изъ третьяго этажа на головы прохожимъ, чтобы садились на чужія шляпы».

Руки Филатова задрожали. Онъ на мгновение остановился. Въ тишинѣ были явно слышны потрескиванье аппарата и веселый, полузаглушенный смѣхъ публики, восхищенной своимъ любимцемъ, шустримъ человѣчкомъ, строившимъ на экранѣ забавныя рожи.

Рѣзко прозвучали странные аккорды. Филатовъ словно озаренъ былъ въ эту минуту неожиданно блеснувшимъ свѣтомъ, и пальцы его стали медленно отбивать таинственный, полуночный звонъ часовъ. Онъ заигралъ «Danse macabre» Сэнъ-Санса. Забытое кладбище, осіянное зеленымъ печальнымъ и жуткимъ свѣтомъ луны, изъ могилъ поднимаются покойники и въ бѣшенномъ, бурномъ танцѣ носятся между полуразвалившимися памятниками, обломанными крестами, въ черныхъ тѣняхъ старыхъ, развѣсистыхъ деревьевъ. Дикая, страшная музыка вызывала новыя и новыя тѣни, оживлявшія молчаливую ночь танцемъ скелетовъ, стукомъ костей о мертвыя кости.

Въ залѣ гремѣлъ дружный хохотъ зрителей, прерываемый женскимъ восхищеннымъ повизгиваньемъ. Чьи-то голоса выкликали:

— Ахъ, ты, сдѣлай одолженье!

— Здорово!

— Ой, не могу, ой, не могу!—надрывался хохочущій, истерическій женскій визгъ.

Филатову было страшно. Онъ чувствовалъ, какъ вихрь проносился въ музыкѣ, подхватывалъ его и кружилъ вмѣстѣ съ загробными тѣнями, плясавшими въ вѣчномъ безмолвіи заброшеннаго кладбища, среди забытыхъ, покинутыхъ могилъ.

Мысли метались, освѣщенные страшнымъ, молниеноснымъ свѣтомъ, и среди нихъ носилась одна несознаваемая, неясная, мелькавшая то тамъ, то тутъ мысль-отгадка, мысль-отвѣтъ:

«Неужели они не понимаютъ? Неужели имъ весело?».

Во всѣхъ концахъ зала задыхались отъ смѣха, а на экранѣ строило рожи веселое, безпечное лицо, съ черными закрученными усиками.

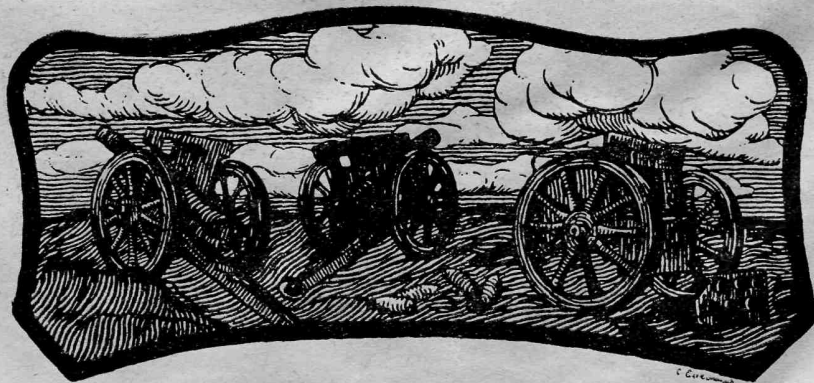
«Сеансъ оконченъ»,—прочелъ Филатовъ, взглянувъ на экранъ, чувствуя, что еще минута — и нехватитъ больше никакихъ силъ.

Публика повалила изъ кинематографа, задерживаясь и толкаясь въ узкихъ дверяхъ. Филатовъ шелъ позади всѣхъ. Онъ дрожалъ, руки тряслись, лицо горѣло. Онъ скорѣе хотѣлъ остаться одинъ, хотѣлъ скорѣе очутиться въ своей комнатенкѣ, сунуть голову подъ подушку, чтобы ничего не видѣть, ничего не слышать.

— Хорошенькую полечку сыграли,—сказала ему Фаня, когда онъ торопливо надѣвалъ пальто,—очень даже симпатичная!

Филатовъ ничего не отвѣтилъ и вышелъ на улицу. И по дорогѣ его обгоняли люди — тѣни и тѣни — люди, и ему было страшно.

Леонидъ Добронравовъ.

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ.

БАЙРОНЪ.

I. Жизнь Байрона.

„Какойнибудь бесполезный Байронъ со своей краткой и несчастной жизнью“... Это—слова Т. Карлейля въ статьѣ о Гете.

Гете и Байронъ для него несомнѣстимы. „Закрой Байрона, открой Гете“. Но вотъ самъ Гете открываетъ Байрона: „Байронъ—личность столь высокая, какой еще не бывало и какая врядъ ли повторится“.

Да, Байронъ—небывалое явленіе личности, явленіе героя. „Поклоненіе героямъ“—религія Карлейля. „Безполезный Байронъ“—бесполезный герой—въ устахъ Карлейля кощунство надъ его же собственной святыею.

Когда Байронъ навсегда уѣзжалъ изъ Англіи, собралась толпа зѣвакъ; кто-то сказалъ, что уѣзжаетъ промотавшійся барченокъ; изъ толпы полетѣли камни вслѣдъ уѣзжавшему. Какъ тогда—въ живого, такъ потомъ въ мертвого кинулъ и Карлейль свой камень.

Байронъ—одна изъ вершинъ горнаго хребта, поднятаго землетрясеніемъ Великой Революціи. Наполеонъ, Гете, Байронъ, Лермонтовъ—отъ насъ уже далеко эти вершины; мы вступили въ степь равенства и такъ долго блуждали по ней, что думали, ей конца не будетъ. Но, блуждая, сдѣлали кругъ и вернулись туда, откуда ушли. И вотъ опять встаютъ вершины вѣчныя—„вѣчные спутники“. Мы увидѣли связь пройденныхъ горъ съ тѣми, на которыя намъ еще нужно взойти,—связь Байрона съ Ницше, Достоевскимъ, Ибсеномъ. Теперь эти вершины человѣческой или „сверхчеловѣческой“ личности окружаютъ насъ отовсюду какъ бы единымъ кольцомъ,—намъ отъ нихъ не уйти никуда.

Правъ Гете: „Байронъ—не классикъ не романтикъ, онъ—само нынѣшнее время“, сама современность. Уже столѣтіе длится современность Байрона.

Вопросъ о немъ—вопросъ о личности, возставшей на общество, объ индивидуализмъ и социализмъ, изъ всѣхъ вопросовъ—современнѣйшій. Если наше вѣчное—въ Гете, то настоящее и будущее наше—въ Байронѣ. А нѣтъ иныхъ путей къ вѣчному, какъ черезъ настоящее и будущее.

Для того, чтобы примирить личность и общество, индивидуализмъ и социализмъ, нужно сначала увидѣть всю противоположность, антиномичность этихъ двухъ правдъ. Она-то и воплотилась въ Байронѣ.

Мы забыли его, какъ забываемъ съѣденный хлѣбъ; но какъ хлѣбъ становится частью нашего тѣла, такъ Байронъ сдѣлался частью нашей души. Понять его—понять себя.

Однажды няня бранила маленькаго мальчика за то, что

онъ выпачкалъ передникъ, который только что надѣлъ. Онъ слушалъ ее молча, но, вдругъ схвативъ передникъ обѣими руками, въ ярости разорвалъ его сверху донизу и сталъ передъ нею мрачный, рѣшительный, желая показать, что презираетъ гнѣвъ ея. Этотъ мальчикъ—Байронъ.

Такъ началась

«Война многихъ противъ одного».
(«The war of the many with one».)

Сначала война съ нянею, потомъ съ матерью, женою, родиною, церковью—со всѣмъ человѣчествомъ, со всею природою—съ Богомъ и дьяволомъ. Отъ возстанія къ возстанію, отъ бунта къ бунту: такъ отъ камня, унаваго въ воду, круги все расширяются до безконечности.

„Я люблю борьбу, я ее всегда любилъ, съ дѣтства“ (Вальтеръ-Скотту, 1822 г.). „Я буду продолжать мой путь, борясь со всѣми, какъ дикобразъ“ (Меррею, 1819 г.).

«Они могутъ мучить меня, но не могутъ покорить».
(«They may torture, but shall not subdue me».)
(«Посланіе Августѣ», 1816 г.)

Манфредъ.—Я презираю стадо;

Я не хочу быть вожакомъ и въ волчьемъ

Левъ одинокъ—таковъ и я. [стадъ:

Аббатъ. —Но почему не жить, не дѣйствовать съ людьми?

Манфредъ.—Ихъ жизнь душѣ моей противна...

Не по своей волѣ рѣшаетъ онъ судьбу свою:

«Я умереть хочу одинъ, какъ жилъ».
(«I'll die as I have lived—alone».)

Одинъ противъ всѣхъ въ жизни и въ смерти, во времени и въ вѣчности.

Когда тотъ смѣшной мальчуганъ бунтуетъ, раздраетъ запачканный передникъ сверху донизу, онъ еще не имѣетъ понятія о себѣ, о людяхъ, о мірѣ, о Богѣ. Бунтъ начался не въ понятіи, не въ пониманіи, не въ разумѣ и вообще не *здѣсь*. Съ этимъ Байронъ пришелъ *оттуда*. Онъ изъ той же породы людей, какъ Наполеонъ и Лермонтовъ: кажется, эти люди,—не совсѣмъ люди, только пролетаютъ черезъ нашъ земной воздухъ, какъ аэролиты, небесные камни, брошенные откуда-то внизъ или вверхъ (гдѣ верхъ и низъ, мы не знаемъ,—тутъ наша земная геометрія кончается). Бываютъ осеннія ночи аэролитовъ, падающихъ звѣздъ. Такая ночь—вѣкъ Наполеона и Байрона.

„Изъ-за чего же бунтъ? Не изъ-за чего“,—думаетъ Ип. Тэнъ, позитивистъ и ненавистникъ всѣхъ вообще бунтовъ, революцій; потому и ненавистникъ ихъ, что позитивистъ.

Для него Байронъ—„бѣшеный быкъ въ лавкѣ зеркальщика“—сила разрушенія безсмысленная. Да, позитивисту съ Байрономъ дѣлать нечего. Но такіе критики напоминаютъ „описателей Везувія, не знающихъ, что Везувій—огнедышащая гора“.

Онъ самъ, если не сознавалъ ясно, то смутно чувствовалъ изъ-за чего бунтуетъ.

— „Пусть лучше онъ убьетъ меня, но не оскорбляетъ моей личности!“—возмущался онъ противъ обращенія съ нимъ одного воспитателя въ школѣ Гарроу. „Моей личности“—только „моей“ или не только? Весь вопросъ въ этомъ.

Во всякомъ случаѣ бунтъ—древній. Іаковъ, боровшійся съ Богомъ, и „терпѣливый“ Іовъ, восклицавшій на гноищѣ своемъ: „О, если бы человѣкъ могъ состязаться съ Богомъ, какъ сынъ человѣческой съ ближнимъ своимъ!“, и скованный Прометей на скалѣ своей бунтовали тѣмъ же бунтомъ. (Кстати, по собственному признанію Байрона, Эсхилъ „Прометей“, поразившій его еще въ школѣ, всегда до такой степени наполнял его душу, что онъ легко можетъ представить себѣ влияніе этой трагедіи *на все, что онъ когда либо писалъ*).

Не послѣднее ли „богоборчество“, состязаніе Сына Человѣческаго съ Богомъ, совершается въ саду Геосиманскомъ? „Да идетъ чаща сія мимо Меня. Впрочемъ не Моя, а Твоя да будетъ воля“. Не послѣдняя ли искра этого огня угасаетъ въ капляхъ Кроваваго Пота?

Да, отнынѣ бунтъ становится „демоническимъ“. Бунтовщикъ—дьяволъ. Покоряться, смиряться значить въ христіанствѣ быть съ Богомъ; бунтовать—быть съ дьяволомъ. Начало бунта—трансцендентное начало зла.

Когда Гете понимаетъ „демоническое“ въ смыслѣ древнемъ, до-христіанскомъ, какъ „божеское“ (daimon—богъ), онъ еще или уже не христіанинъ. Байронъ больше христіанинъ, даже въ своемъ анти-христіанствѣ, чѣмъ Гете, когда понимаетъ „демоническое“, какъ „дьявольское“. Это впрочемъ опять таки не столько въ пониманіи, въ сознаніи, даже не въ чувствѣ, сколько въ какомъ-то предзнаніи, предчувствіи, въ какомъ-то первозданномъ существѣ его.

Въ дѣтствѣ и въ ранней юности бывали у него припадки „безмолвнаго бѣшенства“ (silent rage).

— „Не подходите ко мнѣ! Во мнѣ дьяволъ!“ (Don't come near me! I have a devill!)—кричалъ онъ тѣмъ, кто изъ любопытства или участія приближался къ нему въ такіа минуты.

— „Я склоненъ считать себя порожденіемъ демона“ (offspring of a demon),—говаривалъ онъ уже въ зрѣлые годы полунасмѣшливо.—„Такой падшій духъ, какъ я“... (fallen spirit).

Два „демонизма“ нужно различать въ Байронѣ: одинъ—глубокій, внутренней; другой—внѣшній, поверхностный. Кажется, онъ самъ ихъ смѣшивалъ и не умѣлъ различать какъ слѣдуетъ.

Подобно всѣмъ людямъ, очень сложнымъ и страдающимъ отъ сложности, онъ скрытенъ не только предъ другими, но и предъ самимъ собою,—прячетъ лицо свое подъ личинами. Одна изъ нихъ—„демонъ“, Каинъ, злодѣй, распутникъ, разбойникъ, убійца, кровосмѣситель. Только самые близкіе люди понимаютъ, въ чемъ дѣло. Старый другъ Гобгаузъ называетъ его „шалуномъ“, „сквернымъ мальчишкой“. А сестра, любящая и знающая брата, какъ никто, говоритъ съ тихой улыбкой:

„Байронъ никогда не бываетъ такъ доволенъ, какъ если ему удастся заставить повѣрить о себѣ чему нибудь ужасному“.

Заставить нетрудно: люди легко вѣрятъ злу. Даже такой проницательный человѣкъ и такъ понимающій Байрона, какъ Гете, и тотъ почти не сомнѣвается, что въ Италиі, въ одномъ изъ своихъ любовныхъ похожденій, онъ совершилъ убійство.

Байронъ впрочемъ дѣйствительно скоръ на руку. „Я всегда былъ вспыльчивъ“ („I was always violent“). Однажды въ Болонѣ (1819 г.) едва не убилъ капитана папской гвардіи за невыгодно купленную лошадь. „Это происходило послѣ обѣда, а пищевареніе у меня трудное, и я не люблю, чтобъ въ это время меня разстраивали“.

Добрые люди пугали имъ дѣтей своихъ, какъ буюю. Рассказывали страшныя сказки о ночныхъ вакханаліяхъ въ родовомъ замкѣ Байроновъ, старомъ Ньюстэдскомъ аббатствѣ, гдѣ этотъ „безбожникъ и развратникъ“, окруженный блудницами, пилъ вино изъ мертваго черепа или перковой утвари,—что-то вроде „черной мессы“.

Послѣ развода его съ женою распространился недѣльный слухъ о кровосмѣшеніи Байрона со сводной сестрой его, Августою Ли (Leigh),—и все повѣрили, или почти повѣрили.

По выходѣ въ свѣтъ „Байна“, одинъ проповѣдникъ доказывалъ съ церковной кафедрѣ, что Байронъ—„существо противоестественное, не человѣкъ, а дьяволъ, холодный и безчувственный“.

Во всемъ этомъ конечно много лжи, англійскаго сап'а, ханжества и лицемерія, но есть и правда.

Еще въ Гарроуской школѣ пугало въ Байронѣ умнаго и добраго наставника Джозефа Друри то, что называлъ онъ „избыткомъ жизненныхъ силъ“ (animal spirits).

У него тяжелая наследственность. Дѣдъ его по матери—самоубійца, отецъ—почти убійца (его судили за поединокъ, похожій на убійство), мать—почти полумумная. Онъ чувствовалъ въ крови своей это наследіе и не умѣлъ съ нимъ справиться. Таковъ „избытокъ жизненныхъ силъ“, что подъ напоромъ ихъ все нравственныя задержки, узлы долгарвутся, какъ гнилыя нитки.

Онъ не знаетъ, куда дѣвать силы. Пьетъ цѣлыя ночи напролетъ не только шампанское, но и водку, а днемъ боксируетъ съ какимъ-то молодцомъ Джексонномъ, и такъ—въ теченіе цѣлаго мѣсяца, „чувствуя себя прекрасно“ (1814). Сначала въ Ньюстэдѣ, а потомъ въ палаццо Мочениго, въ Венеціи (1818), окруженъ гаремомъ и ведетъ такую жизнь, что добродѣтельный Шелли ужасается.

«Жилъ юноша въ Британіи когда-то

Который добродѣтель мало чтилъ;

Онъ дни свои влачилъ въ сѣтяхъ разврата...»—

таково первое знакомство наше съ Ч. - Гарольдомъ - Байрономъ.

Не знаетъ мѣры ни въ чемъ. Однажды объѣлся фаршированной свищиною, такъ что едва не умеръ отъ несваренія желудка. Любитъ купаться; переплылъ Геллеспонтъ отъ Сеста до Абидосса, въ память Гэры и Леандра; сдѣлавъ 4 морскихъ мили и пробывъ въ водѣ 1 ч. 10 м., весь оконечѣлъ. Въ другой разъ, въ Віареджіо, плавалъ въ морѣ подъ ягучимъ полуденнымъ солнцемъ такъ долго, что „кожа на всемъ тѣлѣ образовала сплошной пузырь и потомъ слѣзла“; заболѣлъ и уже до конца жизни не могъ оправиться, какъ слѣдуетъ.

Самодовольства, „дьявольской гордыни“, которую ему такъ охотно приписываютъ, у него нѣтъ вовсе. Но и простоты, скромности смиренной („смиранный Байронъ“—это звучитъ странно, но быть и такой) онъ достигъ не сразу и не безъ большихъ усилій, только въ самомъ концѣ жизни. А въ молодости былъ дѣтски-тщеславенъ.

До смѣшного занять своей наружностью. Въ письмахъ изъ Греціи (1809) то и дѣло воспоминаетъ, какъ Али-паша сразу угадалъ въ немъ знатный родъ „по маленькимъ ушамъ, вьющимся волосамъ, бѣлизнѣ и нѣжности рукъ“.

Отъ рожденія у него одна нога короче другой, и онъ прихрамываетъ едва замѣтно, но всегда это помнить и мучается этимъ. Морить себя голодомъ, чтобы не растолѣть; пѣлыми днями ничего не ѣсть, кромѣ нѣсколькихъ бисквитовъ, пить содовую воду и жуеъ мастику, чтобы уговорить желудокъ: чѣмъ легче тѣло, тѣмъ хромота незамѣтнѣе.

„Онъ очень тонокъ, такъ тонокъ, что его лицо кажется почти дѣтскимъ, и необыкновенно блѣднѣе“. (Lady Blessington, 1823). Блѣдность и худоба, особенно въ юности, дѣлали его „почти прозрачнымъ“. Потомъ пополнился, но это его не испортило. „Я захотѣлъ увидать его, и мнѣ показалось, что передо мною Аполлонъ Бельведерскій“. (Franc. Guerazzi.)

„Споткнувшись о звѣзду и охромѣвшимъ ангеломъ“ кажется другимъ, а себѣ самому — калѣкою, „уродомъ“ (The difformed transformed — „Преображенный Уродъ“ — это онъ самъ), хромымъ дьяволомъ“.

О тогдашнемъ знаменитомъ щеголѣ, дэнди Бруммельѣ, говорить не иначе, какъ съ дрожью зависти. Демонизмъ—

дэндизмъ. Демонъ—дэнди высшего полета, высшего, неземного свѣта, метафизическій прообразъ щеголя Бруммеля, „законодателя изящствъ“, arbiter elegantiarum.

И все это — личина. Но личина прирастаетъ къ лицу. Другіе обмануты ею; онъ и самъ почти обманутъ. Похожъ на того шалуна, который наряжается чертомъ въ свѣже-содранную козлиную шкуру, чтобы пугать людей, а когда шкура прилипла къ тѣлу,—хочетъ содрать ее и не можетъ.

Тяжело быть пугаломъ, но ужъ если на то пошло, то, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Настоящій демонъ овладѣваетъ ряженымъ,—„демонъ ироніи“, „демонъ превратности“, который заставляетъ человѣка говорить и дѣлать не то, что онъ хочетъ: хочетъ сказать „да“, а говоритъ „нѣтъ“; хочетъ любить, а ненавидитъ; хочетъ плакать, а смѣется.

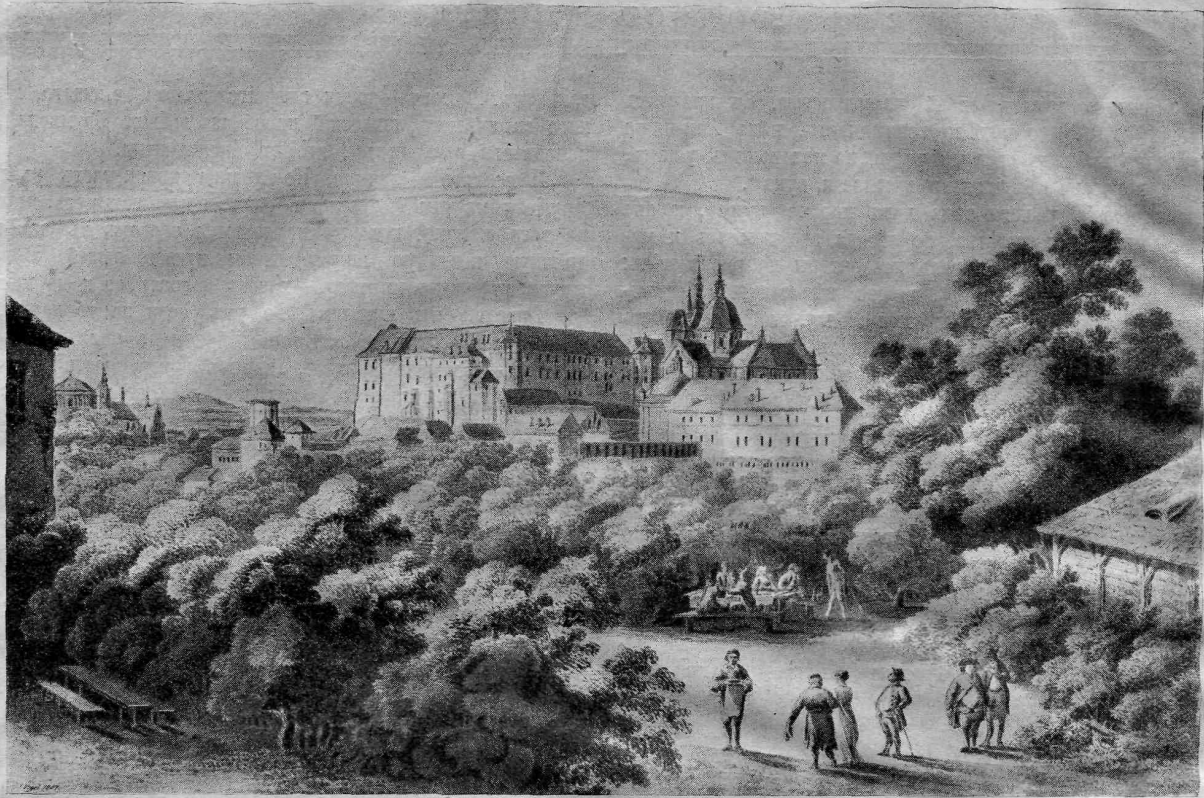
„У меня какая-то судорожная веселость, или смѣхъ безъ веселья, котораго я не могу понять и побѣдить и который, несмотря ни на что, меня не облегчаетъ, но постороннему человѣку я могъ бы казаться самымъ веселымъ малымъ“.

Эго—скользкая дорожка: только ступи на нее,—какъ съ ледяной горы покатишься. Такъ покатился Байронъ.

Д. Мерещковскій.

Александръ Орловскій (1777—1832). Сцена изъ лагерной жизни. (Выставка «Искусство союзныхъ народовъ»)

Сигизмунд Фогель (1764—1820). Замок на Вавель въ Краковъ. (Выставка «Искусство союзныхъ народовъ».)

С. ПЕТРОВЪ.

ВЫСТАВКА „ИСКУССТВО СОЮЗНЫХЪ НАРОДОВЪ“.

Искусство обладаетъ драгоценными, ничѣмъ незамѣнимыми свойствами: оно заключаетъ въ себѣ элементы радости, праздника, надежды. Оно поучаетъ, облагораживаетъ, подымаетъ духъ и открываетъ не только тайны прошлаго, но и даетъ предчувствіе будущаго. Связывая воедино многія поколѣнія, искусство вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ разгадку самыхъ таинственныхъ побужденій, открываетъ такія стороны племенныхъ особенностей, которыя никакими другими путями не поддаются ни анализу, ни наблюденію.

Комиссія художественныхъ изданій общины св. Евгенія, предпринимая устройство недавно закрывшейся выставки, посвященной искусству союзныхъ и дружественныхъ намъ народовъ, исходила именно изъ тѣхъ положеній. Наиболее богатыя наши юбранія предоставили выставкѣ значительное количество своихъ картинъ. Цѣлый рядъ вещей первокласснаго характера были взяты изъ собраній Н. К. Рериха, графини Е. Д. Шуваловой, герцога Н. Н. Лейхтенбергскаго, В. А. Щавинскаго, С. И. Шидловскаго, кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова, А. Ё. Бенца, А. Д. Кривошеина, П. П. Вейнера, Б. И. Ханенко, Ё. Г. Шварца, А. А. Мякининой и мн. др. и составили въ общемъ въ высшей степени интересную картину въ художественномъ и бытовомъ отношеніи. Выставка получилась зна-

чительной, чрезвычайно разнообразной и, что самое главное, отвѣчающей духу времени. Больше всего вниманіе зрителя останавливалось на богатомъ отдѣлѣ старофламандскаго и фламандскаго искусства. Проявленіе религіознаго чувства здѣсь чередовалось съ замыслами фантастическаго порядка, а наряду съ этимъ немалое мѣсто занимали удивительныя по своей яркости и жизненности сцены бытового характера и чудесныя изображенія природы въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Достаточно назвать имена такихъ мастеровъ, какъ таинственный фантастъ Г. де Влесь, пѣвцы религіозныхъ настроеній: Квентинъ Массейсъ, Педро Кампана и мастеръ Успенія Богородицы, рядъ представителей семьи Брейгелей, злой Брауверъ, мѣткій Тенирсь, рядъ чудесныхъ пейзажистовъ и среди нихъ Бриль, Конникло, Керниксъ и Момперъ и такіе великаны живописи, какъ Рубенсъ, ванъ-Дейкъ и Юрдансъ,—чтобы стало понятнымъ все богатство того отдѣла.

Французская живопись была представлена хотя и не съ меньшей полнотой, но все же любители искусства получили возможность наслаждаться произведениями такихъ мастеровъ, какъ Н. Пуссенъ, Ш. Лебрень, Буше, Гюберъ Роберъ, Ж. Верне, Грезъ, Давидъ, Деканъ, Деларошъ и др.

Сигизмунд Фогель. Варшава, Краковское предместье. (Выставка «Искусство союзных народов».)

Английской школѣ менѣе посчастливилось, по той простой причинѣ, что у насъ произведенія английскихъ художниковъ не имѣютъ своихъ собирателей.

Совершенно исключительный интересъ представлялъ отдѣлъ, посвященный польской живописи. Польское искусство очень мало обследовано, а между тѣмъ оно можетъ гордиться нѣсколькими весьма замѣчательными художниками. Главой польской живописи считается Симеонъ Чеховичъ (1689—1775). Будучи ученикомъ Карла Маратта, онъ внесъ классическій вкусъ въ польское искусство и вмѣстѣ со своимъ ученикомъ Смуглевичемъ (1745—1807) является создателемъ академическаго направленія.

Жизненно бытовое направленіе въ польскомъ искусствѣ возникаетъ подѣ влияніемъ двухъ крупныхъ иностранныхъ мастеровъ—Вернардо Беллотто и Норблена. Первый изъ нихъ жилъ и работалъ въ Варшавѣ съ 1766 по 1780 г., второй—еще болѣе продолжительное время (съ 1774 по 1804 г.). Подѣ влияніемъ видовъ Варшавы Беллотто развился отличный пейзажистъ Сигизмундъ Фогель (1764—1820). Вліяніе Норблена сказалось сильнѣе всего на Іозефѣ Валѣ (род. въ концѣ 1750 г., † послѣ 1790 г.), А. Орловскомъ (1777—1832) и на Михаилѣ Плонскомъ (1782—1812).

Настоящимъ открытіемъ на выставкѣ представляются акварельные виды замковъ и городовъ Польши Фогеля и мастерскіе рисунки серіей, изображающіе празднества и домашнія сценки, Валя. Произведенія эти съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія находились въ бібліотечныхъ картонахъ Академіи Художествъ и только теперь, по случаю выставки, извлечены на свѣтъ Божій.

Въ особенности интересны работы Фогеля. Всѣ они изображаютъ мѣста или особенно замѣчательныя своей живописностью, или же важныя въ историческомъ отношеніи. Предъ зрителемъ встаютъ въ необыкновенно яркомъ свѣтѣ виды Варшавы, Кракова, Ченстохова, Казимержа на Вислѣ, Олькуша (Кѣлецкой губ.), Съдлеца, Оссолинскаго замка и многихъ другихъ мѣстностей, переданныхъ съ необыкновенной любовью, добросовѣстностью и знаніемъ своего дѣла. Наши читатели могутъ убѣдиться въ художественной и исторической цѣнности этихъ видовъ по воспроизводимымъ съ нихъ впервые снимкамъ.

Орловскій былъ представленъ двумя отлично исполненными сценами изъ военной лагерной жизни еще Варшавскаго періода. Лучшая изъ нихъ воспроизводится на страницахъ „Голоса Жизни“.

Нельзя пройти молчаніемъ прекрасные декоративные мотивы Эфранма Шрегера, придворнаго художника короля Станислава Августа, изображающіе нѣсколько вариантовъ декорировки залъ королевскаго дворца въ Уздовѣ 1770 г., и прелестный проектъ декораціи зала по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича (1777 г.), отличный листъ Г. Тауберга, изображающій „Варшавскій сеймъ 1791 г.“ и два мастерскихъ акварельныхъ мотива въ античномъ вкусѣ Смуглевича. Вотъ бѣглый перечень того, что заключаетъ въ себѣ эта выдающаяся художественная выставка. Справедливость требуетъ отмѣтить, что не только мысль объ устройствѣ выставки, но и ея осуществленіе, въ цѣломъ получила свою окончательную форму благодаря инициативѣ и энергіи Н. К. Рериха.

С. Петровъ.

Сигизмундъ Фогель. Ченстоховскій монастырь. (Выставка «Искусство союзных народов».)

ВЛ. РОМАНОВЪ.

Король, законъ и свобода.

Въ пятницу, 19-го декабря, на сценѣ Александринскаго театра въ бенефисъ вторыхъ артистовъ поставили „Король, законъ и свобода“, пьесу въ 6-ти картинахъ Л. Н. Андреева.

Леонидъ Андреевъ взялъ названіемъ своей пьесы послѣднюю строку заключительнаго куплета брамбансоны: „Le roi, la loi, la liberté“. Героизмъ, подлинно-истинный, и нескончаемая страданія маленькаго народа, вмѣстѣ со своимъ королемъ возставшаго на защиту права и чести, — это ли не сюжетъ, достойный героической и романтической трагедіи?

Къ сожалѣнію Леонидъ Андреевъ остался вѣрнѣе себѣ и изъ знаменательнаго эпизода міровой трагедіи сумѣлъ скрыть и сшить наспѣхъ „обывательскую“ пьесу, лишенную какихъ либо литературныхъ и сценическихъ достоинствъ.

Въ этой пьесѣ нѣтъ мѣста героическимъ подвигамъ. Все дѣйствіе сведено къ многочисленнымъ истерически-психологическимъ разговорамъ, которые ведутъ между собою „Эмиль Грель“, знаменитый бельгійскій писатель, и члены его семьи.

Образы изъ дѣйствительной жизни, уже переходящіе въ исторію и легенду, — король Альбертъ, душа и сердце бельгійскаго народа, и первый поэтъ этого же народа, Морисъ Метерлинькъ, — волею безтактнаго драматурга-хроникера обратились въ незначительныя, блѣдныя и много разговаривающія фигуры: графа Клермона и Эмиля Грелье. Безтактна, противорѣчить дѣйствительности и оскорбляетъ патристическое чувство зрителя четвертая картина, когда графъ Клермонъ (этотъ рыцарь и вождь своего народа) робко и неуверенно спрашиваетъ раненаго писателя, слѣдуетъ ли взорвать плотины, или нѣтъ. Безтактна и пятая картина, гдѣ

офицеры нѣмецкаго генеральнаго штаба изображены какими-то шутами, умѣющими только напѣвать военные марши и мечтать о прелестяхъ парижскихъ кабачковъ.

Андреевъ за сравнительно долгую и плодотворную свою литературную дѣятельность выработалъ своеобразную манеру письма: неясность, туманность образовъ и злоупотребленіе такими словами, какъ „ночь“, „роскошный“, „звѣзды“, „небо“, „луна“, что принимается его почитателями за „поэтический символизмъ“.

Эти два элемента имѣются налицо и въ новой пьесѣ. Къ нимъ присоединены такъ типичная для Метерлиньки, нарочитая повторность значительныхъ фразъ. Но, что прекраснo удается Метерлиньку, у Андреева звучитъ фальшиво и оскорбительно, какъ нѣчто надуманное и искусственное. Фигуры глухого старика-садовника, безумной дѣвушки, все время спрашивающей, какъ ей пройти въ ея деревню, по замыслу автора, должны были быть „символическими“ и возбуждать у зрителя чувство ужаса, но на самомъ дѣлѣ получилась скучная и порой даже смѣшная аллегорія.

У Метерлиньки ремарки органически связаны съ текстомъ пьесы и, если выкинуть хотя бы одну изъ нихъ, то исказится самый замыселъ пьесы. У Андреева нѣтъ такой напряженности дѣйствія. Его ремарки случайны. И, если выкинуть изъ пьесы гудки автомобилей, зарево пожара, звуки отдаленной канонады, лучи прожектора, то она несколько не измѣнится и даже пожалуй выиграетъ отъ этого.

Андреевъ задумалъ написать трагедію на тему одного изъ эпизодовъ міровой войны. Въ результатѣ получилась обывательская пьеса исключительно по винѣ автора, захотѣвшаго говорить о томъ, о чемъ теперь слѣдуетъ молчать и предъ чѣмъ необходимо благоговѣть.

Вл. Романовъ.

Сигизмунд Фогель. Рынок въ Олькушъ. (Выставка «Искусство союзныхъ народовъ».)

Объ искусствахъ и литературѣ. Вѣсти и мнѣнія.

Въ изданіи т-ва А. С. Суворина вышла «*Arts amandi*» Овидія, въ переводѣ В. Алексѣева. Шедевръ несчастнаго римскаго *artifex'a amoris* изданъ вполне прилично и снабженъ содержательнымъ вступленіемъ и подробными примѣчаніями. Но обложку книги рекомендуемъ немедленно по приобрѣтеніи ея содрать и отослать по окончаніи войны въ стутгардскій музей дурного вкуса. Тамъ ей очень обрадуются.

Въ изданіи В. А. Березовскаго, выпускавшаго до сихъ поръ болѣе или менѣе серьезныя книги по военному дѣлу и справочники, вышла жалкая книжонка: «Конецъ Германской имперіи по предсказаніямъ». Подъ видомъ научнаго изслѣдованія глубокомысленно излагается чуть ли не гаданіе на кофейной гущѣ. Восемьдесятъ семь страничекъ этой безусловно лубочной научности продаются за 75 коп.

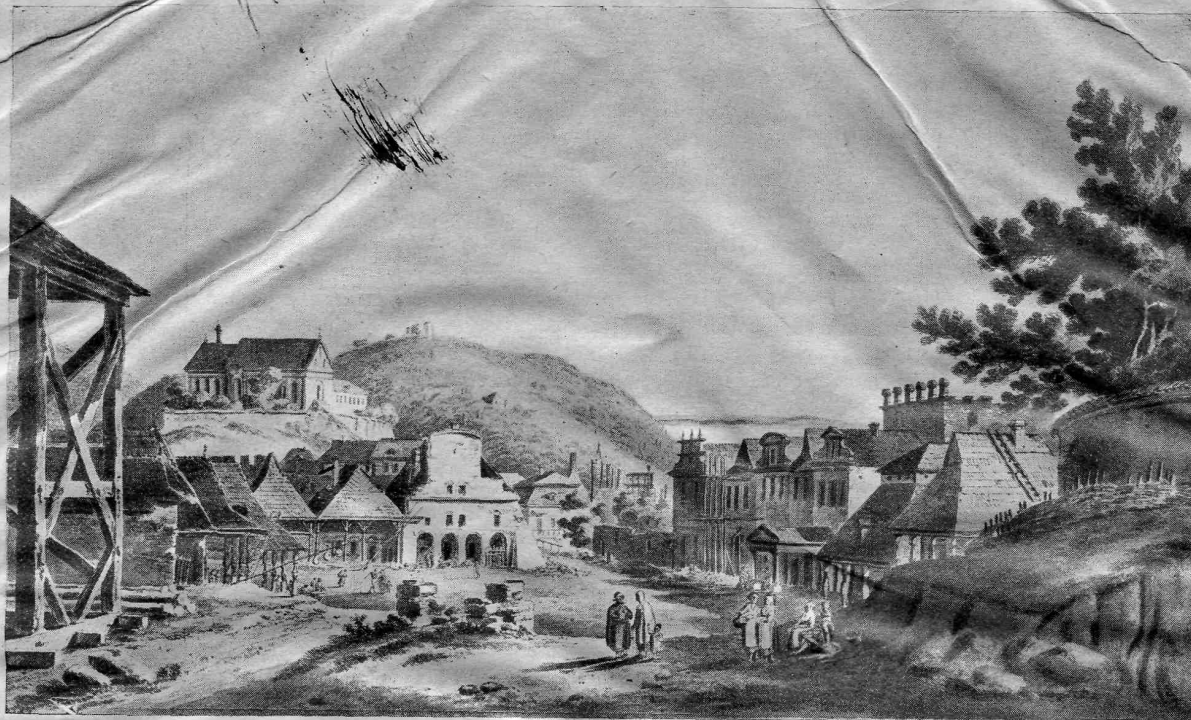
Въ Москвѣ вышелъ первый томъ «Исторіи Русскаго Театра», подъ редакціей В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса, при ближайшемъ участіи А. А. Вахрушина и Н. А. Попова. Книга богата и со вкусомъ иллюстрирована. Текстъ книги, претендующей на научность (исторія...) написанъ нѣсколько газетнымъ стилемъ. Да и вообще научная обработка матерьяла книги находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, если не считаться съ обязывающимъ заголовкомъ, книга производитъ все же приятное впечатлѣніе. Мы еще вернемся къ ней, а пока лишь отмѣчаемъ ея появленіе.

Ежегодное публичное засѣданіе французской академіи происходило на этотъ разъ при самой торжественной обстановкѣ. Обычное присужденіе преміи «за добродѣтель» и восхваленіе литературныхъ произведеній превратилось въ трогательное и величественное прославленіе всей Франціи. Многие безсмертные были въ военныхъ мундирахъ или мундирахъ гражданской стражи. Постоянный секретарь академіи, Этьенъ Лами, вмѣсто обычнаго похвального слова авторамъ, увѣнчаннымъ преміями, набросалъ—это чуть ли не революція въ ритуалѣ засѣданія—широкую картину французской литературы, подводя, такъ сказать, балансъ духовнымъ силамъ Франціи.

«*Revue de deux mondes*» печатаетъ рядъ неизданныхъ писемъ Жоржъ Зандъ, относящихся къ 1870 г. Въ

началѣ этого года писательница переселилась къ себѣ въ Ноанъ и стала вести мирную деревенскую жизнь. «Я углубилась въ ботанику,—пишетъ она Дюма-сыну,—толстѣю и ни о чемъ не думаю. Я нахожусь на вершинѣ благополучія». Но вдругъ, какъ громъ среди яснаго неба, доходитъ извѣстіе объ объявленіи войны Пруссіи. Жоржъ Зандъ пробуждается отъ идиллическихъ грезъ. Съ перваго же дня ей становятся ясны послѣдствія этой войны для Франціи. Въ своихъ письмахъ къ друзьямъ она дѣлится съ ними мрачными предчувствіями и опасеніями за судьбу родины. «Я опечалена, и на этотъ разъ мой старый патріотизмъ и моя страсть къ барабанному бою молчатъ», — пишетъ она. Съ удвоенной энергіей посвящаетъ она свои заботы деревнѣ и крестьянамъ. Война сама по себѣ внушаетъ ей ужасъ. «У меня слабое сердце,—пишетъ она Флоберу,—въ тѣлѣ стараго трубадура все еще сидитъ женщина. И это человѣческое жертвоприношеніе разрываетъ мое сердце. Я дрожу за участь моихъ друзей, которые ушли на рѣзню. И все же временамъ душа моя вновь трепещетъ и начинаетъ вѣрить. Эти дикіе уроки, которые нужны намъ, чтобы понять наше безуміе, должны послужить намъ на пользу. Возможно, что это—послѣдній нашъ возвратъ къ заблужденіямъ стараго міра. Въ порядкѣ вселенной ничто не проходитъ безъ пользы. И нравственный порядокъ не можетъ избѣгнуть этого же закона. Зло рождаетъ добро... Даже когда ходъ событий оправдываетъ ея опасенія, она пишетъ одному изъ своихъ друзей: «Я въ отчаяніи, но не сокрушена». Прежде всего она ясно видитъ, что война обозначаетъ собой конецъ второй имперіи. 18-го августа Ж. Зандъ пишетъ принцу Жерому: «Знаете ли Вы, что республика возродится и что ничто болше не воспрепятствуетъ этому. Она живетъ во всѣхъ умахъ, и она явится, хотя бы ее назвали какимъ нибудь новымъ—не знаю какимъ—именемъ». Двѣ недѣли спустя—республика была провозглашена, и 5-го сентября торжествующая республиканка пишетъ Планшею: «Какой великолѣпный день среди столькихъ катастрофъ!». Одновременно она дѣлится своей радостью съ м-ше Аданъ: «Въ нашемъ отчаяніи есть все же одинъ день счастья. Да здравствуетъ республика, несмотря ни на что. И теперь отечество должно быть завоевано снова». Послѣднее—увы!—не оправдалось: двѣ недѣли спустя, началась осада Парижа.

Эмиль Верхарнъ послѣ того, какъ нѣмецкія пушки разрушили Санъ Аманъ, деревушку, въ которой онъ родился,

Сигизмунд Фогель. Старый рынокъ въ Казимержь. (Выставка «Искусство союзныхъ народовъ».)

и Лувэнъ, гдѣ онъ учился, переѣхалъ въ Англию. Здѣсь онъ опубликовалъ свои поэмы „La Belgique Sanglante» и «La Cathédrale de Reims». Англия является, кажется, единственной страной, гдѣ литература пострадала до сихъ поръ меньше всего, хотя и тамъ высказываютъ опасеніе, что это продолжится надолго.

Анатоль Франсъ, обычно далекій отъ шума и суеты Парижа, теперь всецѣло поглощенъ войной. Онъ пишетъ письма военному министру, печатаетъ статьи, посвященныя нашествію германцевъ, и откликается на всякіе протесты противъ извѣстнаго воззванія нѣмецкихъ ученыхъ и писателей. «Какъ отразится война на его творчествѣ?»—задается вопросомъ одна итальянская газета и напоминаетъ, что недавнія событія въ Триполи заставили Франса вспомнить, что на мѣстѣ тогдашняго театра военныхъ дѣйствій находились нѣкогда греческіе города Птолемаисъ, Кирена и Береника, гдѣ процвѣтала философія и гдѣ въ IV вѣкѣ былъ епископомъ язычникъ-философъ, послѣдователь идей Платона—Синезіусъ. Одно время онъ былъ полководцемъ, затѣмъ отправился въ Александрію, увлеченный знаменитой куртизанкой Гипатіей, и наконецъ былъ избранъ епископомъ Птолемаиса. Сопоставленіе язычества и христіанства всегда было любимой темой для Анатоля Франса, и газеты тогда сообщали, что писатель пишетъ новый романъ въ духѣ «Таисъ». О чемъ А. Франсъ напишетъ теперь?

ТЕАТРЪ.

Новый театръ въ Москвѣ—Камерный—открылся постановкой драмы индійскаго поэта VI вѣка по Р. Х., Калидасы, «Сакунтала». Исслѣдователи индійской литературы считаютъ Калидасу классическимъ ея представителемъ. Содержаніе пьесы—стремительная любовь царя Душанты къ наивной и прекрасной дѣвушкѣ Сакунталѣ, прообразу Миньоны и Гретхенъ. Главная особенность пьесы—поразительная простота техники, непосредственность чувства.

Какъ указываютъ московскіе рецензенты, эта древняя простота оказалась не въ средствахъ современнаго евро-

пейскаго театра. Въ частности Камерный театръ не могъ избѣжать соблазна превратить безхитростную, но глубокую «Сакунталу» въ «интересную» постановку. Во всякомъ случаѣ нужно привѣтствовать попытку московскаго Камернаго театра. Современная драматургія настолько измельчала, испошлилась, что возвращеніе къ чистымъ первоисточникамъ театра должно имѣть оздоравливающее вліяніе на современное театральное искусство.

Заглавную роль исполняла г-жа Кооненъ (бывшая артистка Худож. театра). Декораціи дѣлалъ талантливый художникъ, Павелъ Кузнецовъ. Пьеса шла въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Въ новинкѣ «Музыкальной драмы», оперѣ «Сестра Беатриса» А. А. Давидова (ей вѣроятно будетъ посвящена особая статья), нельзя обойти молчаніемъ текстъ либретто, составленный В. Я. Свѣтловымъ «по Метерлинку». В. Я. Свѣтлову почему-то не понравился имѣющійся переводъ «Сестры Беатрисы» К. Д. Бальмонта, и онъ для метерлинковскаго словеснаго кружева постарался найти свои слова, вызывающія несомнѣнный эффектъ. Не эффектно ли въ самомъ дѣлѣ услышать въ устахъ Беатрисы и Беллидора такіе напимѣръ фразы:

«Ты помнишь ли ту ночь и первое лобзанье?» «Но мы съ тобой не спали въ эту ночь... «Вновь съ тобой мы вдвоёмъ... «Слеза дрожитъ въ твоёмъ печальномъ взорѣ». «Оба наши сердца умчаты въ даль по свѣтлому пути».

Либретто дѣйствительно заставляетъ зрителя мысленно умчаться «въ даль по свѣтлому пути» цыганскихъ романсовъ. А такая фраза, какъ: «Моя любовь нетерпѣлива, уноситъ даже еще дальше, на представленіе другого музыкальнаго произведенія, которое называлось: «Подъ звуки Шопэна». Впрочемъ цыганское либретто В. Я. Свѣтлова гораздо болѣе подходитъ къ музыкѣ г-на Давидова, нежели оригинальный текстъ Метерлинка. Нѣтъ сомнѣнія, что намѣренія композитора и либреттиста были самыя добрыя. Но не произвели ли они, сами того не вѣдая, нѣкое «германское звѣрство» надъ памятникомъ бельгійскаго искусства?

Истинно так,
только в борьбе
на национальном пер-
го начала в том и
двух и врага, и друг
другой мыслять и говоря
другой вместе творить свои
и другому она одинаково дору
рода, территория, климат, и
и недвизимое. Нельзя убить, отрезать поле
цѣлаго. Въ минуты смертной опасности для
въ минуты всенныхъ столкновений—и выступает
это фатальное единство. Иначе какъ въ единствѣ
или нѣтъ согласія и даже тожества—нѣтъ спасенія,
вать можетъ только единая армія, подъ единой ком.
Вотъ откуда то ошарашившее и смутившее умы интеллигент
такъ называемое „единение правительства и общества“, ко-
торое въ извѣстномъ смыслѣ стало фактомъ съ момента этой
войны. Это—просто фатальный законъ военного самосохране-
нія нации, проявляющійся почти съ физиологической непосред-
ственностью.

Патриотизмъ безъ ковычекъ, патриотизмъ нормальный есть
неизбѣжный признакъ наличности національнаго сознания.
И да будетъ стыдно тѣмъ, кто пытался бросить камень въ
вашу молодежь за мужественный актъ выявленія обуре-
вавшихъ ее патриотическихъ чувствъ. Передало ли имъ по-
наследству старшее поколѣніе хоть единый членораздѣльный
звукъ, не говорю уже объ этомъ словѣ, въ которомъ была
бы воплощена идея русской національной государственности?
Нѣтъ, оно не завѣщало имъ ровно ничего: ни идеи, ни по-
нятія, ни слова, ни пѣсни, ни малѣйшаго символа, и пото-
му не имѣетъ нравственнаго права требовать, чтобы моло-
дежь въ одну минуту сотворила то, о чемъ не позаботились
въ теченіе цѣлаго столѣтія поколѣнія отцовъ и дѣдовъ.

Я горююсь закончить: національная проблема рѣшается
въ порядкѣ единства, а не въ порядкѣ раздѣленія, въ
порядкѣ борьбы объединенной націи съ внѣшней опасностью,
а не въ порядкѣ борьбы внутренней отдѣльныхъ частей
націи между собой. Вотъ почему я думаю, что внутренняя
соціальная борьба, разрѣшающая всемірную проблему обще-
житія, не рѣшаетъ вопроса національнаго, не довлѣетъ для
этой цѣли, какъ бы эта борьба ни была грандіозна и значи-
тельна въ своей сферѣ. Ея сфера не универсальна, не рѣ-
шаетъ она ни вопроса личности, ни вопросовъ религіи, ни
вопроса національнаго. Это—не панацея, какъ намъ хотять
ее представить. И такъ какъ никогда на земномъ шарѣ
житель Африки не будетъ тожествененъ съ жителемъ Ислан-
діи и никогда всѣ не будутъ говорить на одномъ языкѣ, то
никогда не упразднится и вопросъ національный, не раство-
рится безъ остатка въ морѣ интернаціональнаго. Поэтому,
нѣтъ смысла, слѣдуетъ не враждовать съ этимъ вопросомъ
слѣдуетъ то себѣ и не обходить его съ сознательнымъ или
безсознательнымъ лукавствомъ, а смѣло пойти ему навстрѣчу,
привлечь и разрѣшить.

А. В. Карташевъ.

всѣ за послѣдніе
предвѣщеніе праведнаго
настоячно я сталъ бы возражать Дмитро
хотя бы въ 1908 году! А вотъ, подите: шесть
третинка въ душѣ, въ жизни,—и мнѣ уже не хочется по-
ражать, и я уже при всѣхъ разногласіяхъ чувствую себя
безконечно болѣе привлеченнымъ къ разногласящему со мной
Мережковскому, чѣмъ къ согласнымъ (слишкомъ согласнымъ)
съ логикой моей людямъ. Пустынькой-то меня видимо опашуло.

Чарующа и привлекательна въ Мережковскомъ чисто
русская любовь къ святости (хочется вѣрить, что не лите-
ратурная, а подлинная, хотя бы однимъ какимъ нибудь ду-
новеніемъ своимъ). Чарующа и обаятельна въ немъ и не-
сомнѣнно уже подлинная любовь къ культурнымъ богатствамъ.
И очень поучительна та настойчивость, съ которой этотъ
стойкій писатель (воля у него очень сильная) вотъ уже
почти двадцать лѣтъ сплавляетъ святость съ культурой—эти
токи со смѣщенными фазами.

И въ теперешней статьѣ о націонализмѣ Мережковскій,
разумѣется, погружается въ свою вѣчную и безконечную тему.
Национализмъ, вѣдь это—только одна изъ формъ, за кото-
рую цѣпляется жизнь, цѣпляется культурное творчество
просто для того, чтобы быть. Другая форма этого же не-
истребимаго инстинкта самосохраненія жизни, самосохраненія
культуры—государство. Когда-то Мережковскій очень и очень
ополчался на него во имя святости. Да и не одинъ Мереж-
ковскій. Не бываетъ государства безъ угнетенія; слишкомъ
ясно, что не можетъ существовать никакого бытія государ-
ственнаго безъ извѣстнаго насилія надъ людьми, даже безъ
извѣстной жестокости. А иногда и безъ очень большого на-
силія, и безъ очень грубой жестокости. Столь же очевидно
однако, что если отказаться отъ государства, то придется
заодно отказаться не только отъ желѣзныхъ дорогъ и кни-
гопечатанія, но и отъ картинъ, музыки и т. д. Культура
безъ государства бываетъ только въ утопическихъ романахъ
и вообще на бумагѣ. А на практикѣ, для того чтобы за-
вести хоть кое какую плоховую культуришку, сколько—
спрашивается—пришлось перепоротъ и даже перевѣшать
людей одному только императору Петру I-му? Противъ пла-
менныхъ рѣчей Мережковскаго неприятно повторять эту
идею. Да она, должно быть, и самъ тысячу разъ повторять
себѣ, и все-таки на этомъ не успокоился.
государственный деятель, охватившій и

созидать и

теперь я повторю
недель бы сейчас въ
и въ совѣтъ уже
наши откровенности и
представила насъ къ дѣлу
это нужно. Будемъ же сми-
рительно покорностью.

Леонидъ Галичъ.

стрированный

Цена номера
на станціяхъ
желѣз. дорогъ

12 к.

ЖИЗНИ

в силъ русской изящной литературы, публицистики и живописи.
Цена съ пересыл. за годъ 4 руб., съ 12-го октября по 31-е декабря 1914 г. — 1 руб.
Изданіе Акціонернаго Общества ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, Петроградъ: 1) Лиговская ул., д. 114, и 2) Садовая ул., д. 20.

СОДЕРЖАНІЕ: Г. П. «Недѣля войны». — Федоръ Сологубъ. «День встрѣчь» (разсказъ). — Антонъ Крайній. «Въ наши времена». — Объ искусствахъ и литературѣ. «Вѣсти и мѣтнія». — Георгій Ивановъ. «Столица на Певѣ» (стихотвор.). — И. Накатовъ. «Богъ Гогенцоллерновъ». — Леонидъ Галичъ. «Война и миръ». — Проф. К. И. Арабакинъ. «Русское общество и польскій вопросъ». — Евг. Мауринъ. «Лермонтовъ — Народный домъ — Самойловъ». — Д. С. Мережковский. «О религиозной лжи націонализма». — Проф. В. А. Карташевъ. «О націонализмѣ». — Леонидъ Галичъ. «Ядовитая праведность». **ИЛЛЮСТРАЦИИ:** Обстрѣлъ аэроплана съ дирижабля (рис. П. Митурича). — Снимокъ съ плаката художника Чехонина. — Мельница въ Брюгге (рис. М. Добужинскаго). — Зуавъ (рис. Льва Бруни). — Изъ альбома художника: турчанка, абхазка, казакъ (рис. худ. А. П. Эйснера). — Заставки раб. худ. Льва Бруни и П. Митурича. — 12 фототюдовъ. **ОБЛОЖКА:** «Избѣненіе младенцевъ», Матео-ди-Джованни.

НИТКИ ЗИНГЕРЪ

КАТУШКА 5 КОПѢЕКЪ

ПРОДАЕТСЯ
ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ

КОМПАНИИ ЗИНГЕРЪ

Большой выборъ книгъ Большого формата въ 6 краскахъ подробнѣйшая карта воюющихъ государствъ

(улучшен. изд.) гор., крѣпости, форты, границы, рѣки, стѣи желѣзн. дорогъ. Цена съ перес. 1 р. Съ прилож. небол. карты Японіи и Турціи — 1 руб. 40 коп. Деньги и требованія адресов.: Москва, Рождественскій бульваръ, 18/19, тѣл. «Акціонеръ».

Большой выборъ книгъ
въ Издательствѣ А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., № 1. Подробный каталогъ высылается бесплатно.

Конторскую скоропись, ронд., четкий обучающ. заочн. курса въ 3 урока въ 15 уроковъ исправляю самыя дурныя почерки. За 5 семидесятикоп. вышлю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условия. Одесса. Профессору Каллиграфіи А. КОССОДО, Дерibas-совская д. Родинскаго.

СТАРѢЙШІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ магазинъ гор. Москвы

(основанъ 1860 года).

Торг. домъ **З. Бернгардъ и Ко.**

Преемникъ И. Шенбрунера, Москва, Кузнечскій мостъ, 5, предлагаетъ своимъ уважаемымъ покупателямъ большой выборъ курчковыхъ и безкурчковыхъ ружей и револьверовъ фабрикъ

АВГУСТА ФРАНКОТТА.

Прейс-курантъ высылается по первому требованію бесплатно.

Handwritten mark or signature in the bottom right corner.